

Мара
ЕВГЕНИКА

A man with blonde hair and a beard, wearing a green camouflage t-shirt and a dog tag, holds two young children. On his left is a boy in a white shirt and blue pants, and on his right is a girl in a pink dress. They are in a nursery with blue walls, a window with blue curtains, and a shelf with toys.

ОДИНОКИЙ ПАПА
(Не) желает
познакомиться

Мара Евгеника

**Одинокий папа. (Не)
желает познакомиться**

«Автор»

2025

Евгеника М.

Одинокий папа. (Не) желает познакомиться / М. Евгеника —
«Автор», 2025

Виктор Гордеев – военный, вдовец и отец двойняшек Ники и Никиты. После трагической потери жены он остался один с двумя малышами, но, несмотря на все трудности, сумел стать для них и папой, и мамой. Жизнь Виктора – это бесконечная борьба с усталостью, непониманием окружающих и болью утраты, но каждое утро он просыпается ради своих детей. Готов ли Гордеев снова открыть свое сердце любви? Или фраза “Одинокий папа (не) желает познакомиться” останется его жизненным девизом?

© Евгеника М., 2025

© Автор, 2025

Мара Евгеника

Одинокый папа. (Не) желает познакомиться

Пролог

– Ники, вы одевайтесь тихонько. Не торопитесь. Пусть папа поспит немного. Вам же ехать далеко, – сквозь сон слышу молодой голос.

Хочу посмотреть, кто эта добрая сарматянка. Но...

Я так вымотался на учениях, что мне, как Штирлицу, нужно хотя бы минут пятнадцать поспать. Потому как нам на самом деле больше ста километров ехать домой в часть.

С этой мыслью отключаюсь, словно кто-то внутри меня нажал на кнопку “OFF”.

Открываю глаза и вижу своих двойняшек.

Ник и Ника тихо, как мышки, сидят напротив меня и лупают своими голубыми глазами.

Хочу у ребят спросить про ту, которая им помогала одеваться. Но...

Ники радостно бросаются мне на шею и виснут, как две обезьянки.

Вдыхая родной запах своих малышей, забываю обо всем. Кроме...

Их мамы, что подарила им жизнь взамен своей. Пока детвора жамкает меня и тычется своими носиками в мои щеки, я снова и снова думаю о моей любимой Юлечке.

И вспоминаю тот день, когда моя жизнь раскололась на “до” и “после”.

“До” известия, уронившего и разбившего мое сердце. И...

“После” от понимания, что есть живые розовые пупсы – кровь и плоть моей Юльки, которых мы с ней очень хотели и ждали. А еще...

Врача в роддоме и сотрудников органов опеки и попечительства. Они жужжали, как рой надоедливых ос, что найдут для моих детей приличных родителей, потому что сам я не смогу их вырастить. Но...

Все были посланы далеко и насовсем.

Мы с Никами выжили и справились. Вернее...

Все еще стараемся справляться.

– Виктор Анатольевич, ваши дети невозможно сложн.., – раздается над моей головой неприятно резкий и противный голос воспитателя группы, к которой “приписаны” мои дети.

– Добрый вечер, Нонна Аркадьевна, – произношу мягко, но твердо, чем останавливаю желание женщины продолжать говорить о моих детях гадости пренебрежительным тоном.

– Никиты, подождите меня там...

Движением руки показываю детворе, что им надо выйти.

– У нас взрослый разговор.

Малыши мои морщат лбы и закусывают губёшки, но из группы выходят.

– Папуль, а мисс Гарпия опять ябедала...Да? – заглядывая мне в глаза, по-женски как бы невзначай интересуется Ника.

– Пап, да ну её! – перебивает сестру Никита и, по-мужски расставляя акценты на главном для себя, предлагает. – Давай, лучше пойдём танки смотреть?

– Ну, не-е-е-т, мы же хотели в кафе-е-е. Морож.., – дергает пальцы моей левой руки дочь.

– Рядовые Гордеевы, равняйся! Смирно! – улыбаясь, отдаю приказ своим детям. – Слезы отставить. Носы выше. И танки посмотрим, и мороженое с пирожным съедим.

Как обещаю, так и делаем. Еще и в магазин игрушек набег совершаем.

Нике покупаем очередную куклу и одежду к ней.

Никите новый радиоуправляемый танк.

Домой едем уже по темноте. Детвора сначала немного болтает, но быстро засыпает.

С улыбкой смотрю на сына и дочь в зеркало заднего вида и вижу рядом с ними свою Юлечку.

– *Витюш, детям мама нужна, а тебе жена, – слышу в мозгу нежный и мелодичный голос лучшей женщины на свете.*

– Не беспокойся, любимая, у нас все хорошо. Мы справляемся, – произношу очень тихим шепотом и подмигиваю. – Одинокий папа не желает познакомиться...

Последнюю фразу произношу, вспоминая моё с Юлей знакомство.

Только тогда, восемь лет назад, я ей сказал: *“Девушка, обратите на меня внимание! Одинокий парень желает познакомиться!”*

– Нет, родная моя, эту фразу я пока еще не готов повторить...

Глава 1

Восемь лет до событий пролога

Начало лета в этом году выдалось жарким.

Мы с друзьями за неделю до выпуска из училища все же собрались на “мальчишник”. Место выбрали традиционное – пляж на Борковском карьере.

Пьющих среди нас нет, потому шашлычок у нас под колу и томатный сок.

Нам всем двадцать два года. Скоро мы все после выпуска разлетимся по своим частям. Как быстро увидимся вновь – неизвестно.

– Тор, – обращается ко мне друг Алекс Сурков. – Так ты сразу в учебку или все же в часть?

– Сначала в учебку. В Подмоскovie. Куда дальше, пока не в курсе, – отвечаю, разливая колу по пластиковым стаканам.

– Тюха, мы тебе не завидуем, – хмыкает Димка. – В их учебной “мясорубке” надо быть суперменом.

– Парни, хватит трещать. У нас мяч без дела лежит. А волейбольную площадку уже девчонки оккупировали, – цокает казанова Юрка.

– Лейтенант Козак, глаза в песок. У тебя обручалка на пальце, – хохочет Сурков.

– А я-то чего? Я жену люблю, – подмигивает Юра. – И я вас, ваще-то, в волейбол зову играть, а не девчонок клеить. Хотя Витьке, как холостяку, можно.

– Ок. Тогда шашлык после рублища в мяч. А пока, парни, за нас, лейтенантские погоны и ВДВ, – говорю, раздавая друзьям стаканы.

Выпив колы, берем мяч и идем на площадку. Сначала молча смотрим, как играют девчонки. Оценивая, перешептываемся: “Хорошо. Молодцы!”

Потом я обращаюсь к самой рослой с командирским голосом:

– Девочки, добрый день. Можно мы составим вам компанию?

– Добрый. Подождите, парни. Мы скоро доиграем партию и уйдем купаться, – давая пас, категорично выдыхает гардемаринша.

– Лен, да ладно тебе. Пусть парни играют с нами. Нас все равно мало, – принимая мяч, отвечает подруге хрупкая блондинка. – Вставайте, ребята. Меня Юля зовут.

– Пушистая что ли? – тут же вставляет свои пять копеек Козак.

– Не, только внешне такая, – смеется Ленка. – А так она у нас – Сталь.

– Почему? С виду так и не скажешь, – удивляется Алексашка.

– Играем, – жестко осекает всех Юля, вставая на подачу.

Принимаю ее крученный мяч, отмечая, что при таком маленьком росте и хрупкой фигуре, Юлия – девушка сильная.

Отыграв с девчонками три партии, приглашаем их к себе на шашлык.

Сначала, как и полагается, подружки отказываются, ссылаясь на то, что у них свой стоит в ожидании мангала.

- Ну, и славно! – уговаривает девочек наш казанова. – Объединим два шашлыка.
- Только мы против алкоголя, – сразу предупреждает Юля.
- Мы тоже, – отвечаю, протягивая руку и представляясь еще раз – Виктор!
- Юлия сначала внимательно смотрит на меня, а потом на мой безымянный палец правой руки.
- Мне становится смешно, и я просто шучу:
- Девушка, обратите на меня внимание! Одинокий парень желает познакомиться!
- Вечером после отдыха на карьере я провожаю Юлю до общежития медицинского колледжа.
- Дорогой мы болтаем обо всем.
- Юлька оказывается приятной собеседницей.
- Почему девочки называют тебя Сталь? – интересуюсь невзначай.
- Это моя фамилия. Мне ее в Волгоградском детском доме дали. Ну, от Сталинград.
- А как в Рязань попала?
- Меня сюда привезли усыновители. Здесь они меня и вернули в местный детский дом,
- обыденно говорит Юля, а у меня от ее слов холодеет в солнечном сплетении.
- Давала им прикурить? – уточняю, улыбаясь, чтобы скрыть внутренний нерв.
- Нет. Когда мне было пять, у них родился свой ребенок, – пожимает плечами Юлька.
- Потом рассказывает о своей мечте – стать врачом и о том, что у них скоро распределение и выпуск.
- Сразу будешь поступать в мединститут? Да, Юль?
- Нет. Пока работать. Мне надо понять, каким точно врачом хочу быть. Ну, знаешь, чтобы потом не жалеть о своем выборе, – спокойно объясняет Юля. – А ты почему пошел в военное училище?
- Ну, как сказать... Еще в суворовском решил, что пойду по стопам отца...
- То есть ты продолжатель династии? Отец, поди, гордится тобой?
- Наверное. Там..., – говоря, показываю пальцем в вечернее небо. – Он погиб, когда я в школу пошел.
- Извини. Неловко получилось, – смущается девушка и в знак поддержки кладет свою руку на мою.
- У нас выпуск через две недели. Приходи, – сам того не ожидая, приглашаю Юлю.
- На выпуск? Разве это уместно? Мы же фактически незнакомы. А твоя девушка?
- Девушки у меня нет. Остальное все условности. Если ты придешь, мне будет приятно,
- отвечаю, подмигивая...

Глава 2

- Папуль, а я уже проснулась, – слышу нежный шепот дочери, перебравшейся ко мне в постель.
- А что уже разве утро, Ники?
- Ловлю рукой её тельце, прижимаю к себе. Проверяю не вспотела ли моя принцесса.
- Провожу ладонью по пижамке на спинке от попы и до самой блондинистой макушки.
- Ника все понимает и комментирует мое движение фразами и голосом бабы Шуры, которая прожила с нами три года после выписки малышей из перинатального центра:
- Не-е-е... не потная и не больная. Просто шепутной ангел девке спать не дает, – немного шепелявит моя красотуля.
- Ночь на дворе, куколка. Все ангелы спят еще, – снова глажу малышку в надежде, что она полежит и уснёт. – И ты спи...
- Не-е-ет... Утро уже. Я смотрела на часики, папуль.
- И что там увидела? – шепчу, утыкаясь носом в макушку, пахнущую детством.

– На часиках маленькая стрелочка на цифре шесть, а большая на денацати. Ой, тьфу... Черт....На двенадцати...

Чертыхаясь и хихикая, исправляется моя развитая не по годам дочь.

– Значит, уже шесть часов. Вот. Пап. Утро уже...

– Ника, давай поспим ещё часик. Сегодня выходной.

– Па-а-а-пуль, ну расскажи про маму, – канючит Ника. – Хоть капельку. Я послушаю и усну. Щас альбом свадебный притащу.

Ника убегает в гостиную. Слышу двигает ящики комода и причитает, как бабушка Шура.

Пока дочь не вернулась, память услужливо подкидывает мне картинки начала наших отношений с Юлией.

Не могу сказать, что я влюбился в нее с первого взгляда.

Нет. Такого точно не было.

Как у других моих друзей сердце мое никуда не провалилось. Нигде у меня жарко не стало.

Ну, и никакого напряжения в трусах не произошло. Хотя...

Близкие отношения с девушками у меня уже были. Не регулярно, но как позволяли увольнительные и свободное время.

От этого на стену я не лез и не бегал, как молодой кобель за каждой безотказной сучкой.

Проводив Юлю, в училище я возвращался в обычном настроении.

Меня радовал приятно проведенный с друзьями день. Ну и знакомство с Юлькой тоже.

Да...

Девушка мне понравилась. Было в ней что-то такое, чего я не замечал раньше в других.

И это не внешняя красота.

Юля не была красиво-смазливой куклой. Но...

Ее лицо примагничивало к себе огромными лазурными глазами и улыбкой. Еще очаровательными ямочками на щеках. И все же... Меня больше всего подкупал её голос: мягкий, нежный, грудной, обволакивающий. А еще...

Искренность Юлькиных эмоций.

Их я анализировал, пока не уснул.

Утром, проснувшись, о Юле я не думал совсем, как и несколько недель до выпуска.

Не вспоминал о девушке, потому что мой мозг был занят другими задачами.

Имя Юлино всплыло в моей памяти неожиданно. Вернее, речь о ней завел во время обеда друг Димон.

– Вчера ходили с Марьей в “Шоколадницу” и столкнулись с Юлей. Я поздоровался. Машика устроила из-за этого вынос мозга, – посетовал Димка на свою ревнивую жену.

– Братан, а когда это ты уже успел зазевачить? – тут же вставил свои пять копеек Козак.

– В смысле? Ты о чем? С моей женой и тестем полковником левак равноценен расстрелу, – подмигнул и засмеялся Димыч. – Да и я Машику люблю.

– Так а Юлька?! Ты в глаза смотри! – грозно приказал Козак и с прищуром посмотрел на друга.

– Да, пошел ты – разведка! Такой молодой, а уже склерозник, – Димон рыкнул на Козака.

– Таблетки для памяти пей. Мы вместе в волейбол на пляже играли. Её еще Виктор в общагу провожал. Кстати, а как дылда Леночка поживает? А, Козак?

– Ладно, вы можете и дальше упражняться в остроумии. Обнял. Ушел...

Не желая больше слушать, я встал, забрал поднос и пошел на физио.

Следующим вечером, даже не сменив форму на гражданку, воспользовался свободным временем и все же доехал до общежития медицинского колледжа.

Порадовался тому, что фамилия Юли мне была известна.

Попросив пригласить Сталь, сел на скамью.

*Пока ждал по привычке: военнослужащий должен успеть выспаться и стоя, – прики-
марил.*

Глаза открыл от пристального взгляда.

*Увидев Юлю, которая смотрела на меня, весело играя ямочками на щеках, тоже улыб-
нулся.*

*– Ну, понятно. Солдат спит – служба идет, – хихикнула и сморишила свой курносый
носик Юлька ровно так же, как это сейчас делает наша дочь Ника. – Тебе очень идет форма,
Виктор...*

– А тебе этот халат, Юля, – ответил я и подмигнул.

*Реакция девушки мне понравилась: она смутилась и запахла полы глубже, – хотя
ничего лишнего видно и так не было.*

Решив подбодрить Юлю, я ляпнул то, что вызвало бурный девичий смех:

– На самом деле классный халат. Такой моя бабушка Шура носит.

*– Да, уж, Виктор, ты, как медведь в посудной лавке. Compliments – явно не твой конек,
– утерев слезы, не осталась в долгу Юля. – Чего пришел?*

– Может, пройдемся? Можно в халате и тапочках, – предложил, касаясь её руки.

– Нет времени. У меня завтра экзамен, – сказала, как отрезала Юля.

*– Понял. Принял. В общем, пришел напомнить о приглашении на мой выпуск. Ну, чтобы
ты не подумала, что я пустобрех, – начал пояснять причину своего визита.*

*– Мог бы и не тратить время. Я и не думала о тебе совсем. Времени у меня на это не
было, – совершенно спокойно заявила девушка.*

*– Понятно. У меня такая же история. И все равно... Вернемся к нашим баранам. Юля,
я приглашаю тебя на мой выпуск...*

Дальше называю дату, время, место.

Юля слушает внимательно, зажав угол левой губы, как это теперь делают наши Ники.

*– Ясно. Запомнила. Посмотрю, как получится. Но... Ничего не обещаю. Давай провожу,
– ответила коротко Юля и пошла в направлении выхода.*

Мы попрощались без всяких сантиментов и расшаркиваний.

На мой выпуск Юля все же пришла.

А вот на её выпуск я не попал: через день уехал в Подмоскowie в учебку.

В свободные минуты, которых было очень мало, нет-нет да и вспоминал, думал о Юле.

*Еле уговорив командира учебки подписать мои документы на день раньше, чтобы
собрать вещи перед убытием в часть, я приехал в Рязань.*

Купил букет обычных садовых ромашек.

Пришел в общежитие. Долго выяснял, где найти Юлию Сталь.

Одна из девчонок все же вспомнила, в какой больнице работает Юля.

*Хорошо, что она была на смене. В ожидании, пока девушка выйдет, я опять уснул, сидя
на скамье. Разбудила меня...*

– Папуль... Пап... Ну, так не честно... Я же принесла альбом...

Слышу сквозь поток воспоминаний голосок нашей Ники. Но...

Не проявляю признаков того, что не сплю.

*Не делаю этого, потому что досматриваю кадры киноленты памяти, как я прямо в при-
емном отделении делаю Юле предложение руки и сердца...*

Глава 3

Вожусь с завтраком для детворы.

Жарю их любимые блинчики от бабы Шуры.

Жалею, что моей бабушки с нами нет. Но...

Обстоятельства оказались сильнее нас и наших желаний.

Полгода назад у бабы Шуры случился инсульт. Хвала небесам, что не парализовало до состояния овоща, но пока нашей любимой бабушке самой нужен уход.

Я, к сожалению, не смог с этим справиться, потому устроил бабу Шуру в дом инвалидов. Долго мучился и корил себя. Но...

В нашей ситуации этот вариант оказался самым лучшим выходом.

Сегодня мы с детворой после завтрака поедем навещать любимую бабушку, которая растила меня и моих Никиток.

Переворачивая ажурный блин, слышу возню и голоса детей в детской.

– Ну, ты, Ника, и овца тупая...

– Сам ты, Никитка, баран безмозглый...

– Ты что не видишь, что моя пожарка едет?

– Это ты слепой. Моя Маша по пехотному переходу идет.

– Твоя кукла такая же тупая овца, как и ты...

Разговор детворы, а, главное, их обзывательства мне не нравятся совсем.

Иду в детскую. Вижу растрепанных Ников, разбросанные и сломанные игрушки.

Молча смотрю на детей и безобразие, что они устроили.

Ника и Никита сидят, насупившись.

Дочь размазывает по щекам слезы.

Сын трогает пальцем царапины на лице.

Картина, может, и смешная. Но...

Меня она не веселит.

– Рядовые Гордеевы, доложите обстановку, – приказываю тихо, но твердо.

– М-м-мы т-т-тут немного поиграли, – после паузы начинает первым говорить Никита.

– Не мямлить, рядовой Гордеев. Доложи ситуацию чётко и внятно.

– Авария случилась. Кукла Ники переходила пехотный переход и попала под мою пожарную машину, – говорит, морщась, Никита.

– Это твоя дурацкая машина сбила мою куколку, – хлопает носом Ника.

– Твоя кукла – овца тупая, как и ты, – огрызается Ник.

– Это ты баран безмозглый, – взвизгивает дочь, отвечивая брату звонкий подзатыльник.

– Кто обзывается, тот сам и называется...

Наблюдаю за происходящим молча. Думаю, как правильно поступить.

С одной стороны, меня радует, что мои дети могут за себя постоять.

С другой – мне неприятно то, что между ними происходит.

С третьей – настораживает агрессия, которая у них появилась.

– Разойтись. Два шага в стороны. Рядовой Гордеев – вправо. Рядовая Гордеева – влево.

Руки по швам. Подбородки поднять. Смотреть на меня. Смир-р-рно!

Мой приказ оба выполняют чётко. Стоят, как солдатики, только хлопают глазами и шмыгают носами.

Беру детские стульчики. Ставлю между ними.

– Вольно, рядовые Гордеевы. Занять рядом стоящие стулья.

Дети садятся. Я достаю носовые платки из комода, протягиваю с приказом: “Высморгаться и вытереть носы! Выполнять!”

Пока двойняшки исполняют приказ, я ставлю стул напротив них и сажусь.

– Итак, рядовые Гордеевы. Разбор ситуации. Играли – хорошо. Аварийная ситуация на пешеходном переходе мне понятна, – говорю очень тихо, чтобы дети ко мне прислушались. – Теперь выясним, кто виноват – пешеход или водитель? Давайте по пунктам. Какой у вас был переход? Регулируемый со светофором? Или нерегулируемый без светофора?

Полностью разбираем всю ситуацию. Выясняем все по алгоритму.

За это время дети отвлекаются и успокаиваются.

Прошу каждого озвучить правильность действий пешехода. Уточняю: понятно или нет.

– Ника, повтори ещё раз, как должна была поступить твоя Маша, – велю дочери, потому что она в прошлый раз запуталась.

– Остановиться в трех шагах от перехода. Посмотреть направо и налево. Увидеть, что машины остановились, и тогда переходить. Но лучше пойти на переход со светофором, – дочь говорит, но я все равно ещё раз объясняю.

– Теперь, дорогие мои, еще один очень важный момент, – перехожу к тому, что меня очень беспокоит. – Когда вы ссорились, из ваших ротиков вылетали оскорбительные выражения. Это никуда не годится. Вы когда-нибудь от меня слышали такие слова? Или от бабушки Шуры? Кто вам сказал, что так некрасиво можно называть людей?

Малыши снова опускают головы и глаза.

– Никита, Ника, смотрите на меня.

Детвора поднимает головы. Замечаю в глазах дочери слезы.

– Я жду ваши объяснения.

Вижу, что сын закусил губу. По этому его жесту понимаю: Никита ничего не скажет, – потому обращаюсь к дочери:

– Ника, говори. Мы с вами семья. Дома можно и нужно делиться всем. Я, как ваш папа, должен знать обо всем, – говорю очень мягко, чтобы дети мне верили.

– В интернете все друг друга так обзывают, – кусая нижнюю губёшку, начинает рассказывать Ника.

– И мальчики, и девочки? – уточняю, но мой вопрос повисает в воздухе.

Обращаю внимание, что двойняшки снова зажимаются.

Понимаю: для дальнейшего разговора нужно сменить обстановку.

Поднимаюсь и подхожу к малышам. Целую обоих в макушки. Подхватываю их на руки.

Выхожу с ними из детской и иду в ванную комнату.

– Сейчас умоем лица. Обработаем Никите раны. Нике подстрижём ноготки, – комментирую свои действия, чтобы отвлечь детвору.

– Знаете, очень плохо, что дети говорят такие некрасивые слова, – объясняю, пока двойняшки умываются. – Никита, настоящий мужчина не может оскорбительно выражаться и вести себя грубо с женщинами. Понимаешь?

– Ну...Ника же не тётя, а девчонка, – отвечает сын.

– Никит, ты мальчик. Уже мужчина. Ника – девочка. Уже женщина.

– Ну, какая она женщина? – хихикает сын. – У нее же сисей нет...

Внутренне вздыхаю, понимая, что очень непросто объяснить детям взрослые понятия.

– Сынок, Ника родилась женщиной. Она слабее тебя. И к тому же...Никуша – твоя сестра. Ты, как брат, должен её защищать, а не обзывать обидными словами, – говорю, пристально смотря в глаза сыну.

– Папуль, Никитка не виноват. У нас все в группе так всех называют, – начинает заступаться за брата Ника.

– Очень плохо, что дети говорят такие некрасивые слова. Плохо это. Очень плохо! – слово “плохо” повторяю несколько раз, чтобы акцентировать на нем внимание детворы.

– Да?! – округляет глазки дочь и задирает бровки вверх.

– Чем ты так удивлена, Никуша?

Ника морщит нос и зубами дергает нижнюю губу.

– Ну... Нас так Нонна Аркадьевна называет, – пожимает плечами дочь.

– Ну, эта противная мисс Гарпия, – тут же уточняет сын.

Глава 4

“Вместе весело шагать по просторам. И, конечно, припевать лучше хором!”

Смешно, но дружно голосим мы все втроем в машине, подпевая песням, которые я слушал у бабушки Шуры, будучи сам в возрасте своих детей.

– Папуль, давай ещё про львенка и солнышко, – улыбаясь и строя мне глазки, просит Ника.

– Не-е-е, лучше про орлят... Ну, эту: “Орлята учатся летать”... – напевает слова Никита.

– Или...эту: “Трус не играет в фокей...”

– В х-о-к-к-ей, Никитка, – поправляю сына, подмигивая.

Никитос тоже подмигивает сначала правым, а потом левым глазом, дескать: понял тебя.

– Да, ну...Е-ру-н-да, – тут же пфыкает Ника. – Давайте уже тогда про Чебурашку и Гену: “Голубой вагон бежит качается...”

Дочь поёт. Никита морщит нос, но слушает, не перебивая сестру. Меня это радует.

Я смотрю на своих малышей и вспоминаю, как жена довела до меня информацию о том, что наша семья станет счастливее сразу на два маленьких человечка.

Ещё до свадьбы, которая у нас получилась с пылу с жару, мы решили: детишки только после окончания Юлькой меда.

Три года все шло по плану. Но...

На четвертом план сломался.

Мне об этом стало известно, когда Юля вернулась с сессии.

Встречая жену, я обратил внимание на её бледное лицо и обеспокоенные глаза. Но...

Главное, это нижняя губа, которую она все время кусала.

Сначала у меня возникли две глупые, но вполне мужские мысли: Юлька влюбилась и изменила мне.

От них меня даже дернуло, словно током ударило.

Я впервые испытал укол самой настоящей ревности.

По дороге в гарнизон Юля рассказывала о сессии и сдаче экзаменов скупно, отрывочно, дерганно.

Дома тоже вела себя очень зажато. Несколько дистанцируясь от меня.

Я терпел до последнего. Пока...

Жена не отказала мне в близости.

– Нет. Не хочу. Не сегодня! – говоря, Юлька еще дернулась, вывернулась из моих рук и откатилась к стенке.

Ну, тут уж меня прорвало.

– Юлия, посмотри мне в глаза и потрудись объяснить свое странное поведение? – прямо, четко и понятно спросил я, повернув жену к себе и приподняв ее лицо за подбородок.

– Все нормально, – прошептала Юля и снова закусила зубами губу.

– Нет. Не нормально, милая. Мы женаты три года. За это время я неплохо тебя изучил. И того, что сейчас происходит, не было никогда...

Пока я говорил, Юлька хлопала ресницами и пыталась съесть дрожащую губу.

– Если ты влюбилась. Ну, или даже изменила мне...

На последней фразе я ругнулся матерно, что делал дома крайне редко. Но...

Никогда в адрес Юли.

– Ты о чем, Вить? Как ты такое вообще мог подумать обо мне, – зашептала Юлька и начала хлюпать носом. – Твои слова глупые и безосновательные...

– А что я должен был подумать? Что? Еще у меня есть вариант, что какой-то упырь воспользовался тем, что ты слабая физически, ну и... Это... Тьфу, о таком даже думать страшно...

Я чертыхнулся и матернулся снова. Но...

Тут же извинился. Притянул к себе жену, крепко прижав ее к своей груди.

Юлькины плечи начали вздрагивать, и мне показалось, что она плачет.

– Все будет хорошо, моя милая! Мы вместе... Значит, все преодолеем, – шептал я в макушку любимой, пока она не подняла на меня лицо с улыбкой от уха до уха.

– Витька, я люблю тебя! Большие жизни люблю! Знаю, что с тобой мне ничего не страшно! – смотря на меня счастливыми глазами, шептала Юля. – Я беременна, Вить. И у нас будет сразу два мальчика...

Глава 5

Будто услышав мои мысли, Никуша выстреливает вопросом:

– Папуль, а ты нас сразу полюбил? Ну, еще тогда, когда мы жили в мамином животике?

– Да, милая, сразу. И очень сильно, – отвечаю, опуская подробности, как их мама довела меня до приступа ревности и бешенства. И по этой причине была хоть и не сильно, но бита по голой жопке.

– А кого ты полюбил больше – меня или Никитку? – тут же вкручивает свой традиционный вопрос моя маленькая и ревнивая женщина.

– Я сразу полюбил вас обоих. Одинаково и сильно. И всегда буду так любить, – отвечаю, смотря в зеркало заднего вида на двойной смысл своей жизни.

– Ну-у-у, я же девочка, – сложив бровки домиком и губки бантиком, продолжает тянуть на себя одеяло упрямца Ника. – Девочек любят больше, чем мальчишек...

Видю, как Никуша показывает Никитке язык.

Брат тоже не остается в долгу и корчит сестре рожицы.

– Ники, я хочу, чтобы вы всегда помнили о том, что я вас люблю одинаково. О-ди-на-ко-во! Это понятно, – говорю серьезно, четко и ровно, хотя сам внутри себя еле сдерживаю смех.

– А мама? Мама кого больше любила, – не унимается маленькая провокаторша.

– Мама сильно-сильно любила и продолжает любить вас обоих, – отвечаю сипло, чувствуя, как спазм сжимает горло и в уголках глаз появляется соленая влага.

Пытаюсь сглотнуть, чтобы освободить горло от нервного кома и рот – от горькой слюны.

Понимая, что мои усилия напрасны, беру с пассажирского сидения бутылку, отворачиваю крышку и пью.

– Ники, пить будете? Воду или компот? – спрашиваю детвору.

Делаю это специально. Так хочу закрыть разговор, который роняет меня в деструктивные мысли.

Никита просит воду. Ника – компот. В дополнение к бутылкам передаю каждому по пачке печенья.

Пока детвора молча хрустит, я снова думаю о своей любимой Юлечке.

Вспоминая наши разговоры накануне рождения малышей, не могу отпустить мысль, что Юля предчувствовала свой уход.

– Витюша, надо помнить: у нас двое малышей. Я тебя очень прошу к обоим относиться одинаково. Никакой разницы между ними. Они равны между собой. И не важно, кто у нас родится – мальчики или девочки, – шептала мне Юля.

Слушая свою любимую, я пальцами играл с пупсиками в «догони меня» и целовал огромный живот, который никак не вязался с хрупкой фигуркой Юльки.

За время беременности она совсем не прибавила в весе.

Врачи ее ругали за это. Назначали специальные питательные растворы. Но...

Я то знал, что Юлька ест с утра до вечера, еще и порции, которые даже мужик не мог бы освоить.

– Милый, наши детки, конечно же, будут совершенно разными. Ну, как и все люди. Но... Наша задача – дать им свою любовь...

Все время просвещала и убеждала меня Юля.

– Знаешь, я уверена на тысячу процентов, что только те, кого любили, умеют сами любить. Я обожаю наших пупсиков. И буду любить их всегда, что бы ни случилось...

Каждое слово о малышах, которые должны были в скором времени родиться, Юля говорила с такой любовью и нежностью, что не верить ей было невозможно.

– Витюш, даже если ты на меня будешь сердит или вдруг разлюбишь совсем, никогда не переставай любить наших детей. Поклянись мне в этом! – увещевала меня Юлечка буквально за день до того, как лечь в роддом на плановые роды.

Смотря на жену, я был готов клясться в чем угодно.

Уже перед родами мне было так жалко свою любимую, что я решил: эти дети наши единственные. Других не будет никогда.

Наш последний разговор состоялся уже в приемном отделении, куда я сам привез Юлю.

Пока мы ждали врача, жена снова начала проводить со мной воспитательную беседу.

– Милый, и еще... Ты никогда никого из них не обидишь – ни морально, ни физически. Никакого ремня и рукоприкладства. Никаких оскорблений, обвинений, обидных слов в адрес малышкой. Конечно же, они будут шалить, вредничать и ошибаться. Но... Ты, как папа, должен быть с ними терпелив. Запомни: все можно объяснить без крика, угроз и наказания...

“Да, любимая, все так и есть! Все время следую твоим наставлениям и советам. Помню каждое твое слово. Живу нашими детьми и тобой”, – мысленно говорю Юлечке, смотря в зеркало заднего вида на нее, сидящую между креслами Ников.

– Папуль, а как ты думаешь, мама видит нас? – словно читая мои мысли, выстреливает вопросом Ника.

– Конечно, видит! Мама всегда рядом с нами, потому что она в наших сердцах, – спокойно отвечаю дочери, сглатывая ком горечи и смагивая выступившие слезы...

Глава 6

Моя детвора мчится известным им маршрутом по коридору в большую гостиную, где нас ждет баба Шура.

Иду за ними и снова вспоминаю, как четыре года назад я совершенно оглушенный горем сидел около кроваток моих малышек.

Врач, стоящая рядом со мной, монотонно бубнила: “По всем показателям ваша супруга была совершенно здорова. Никто не мог и предположить такого исхода в двадцать три года. Причина установлена. Смерть наступила в результате закупорки артерии, которую вызвал оторвавшийся тромб. Мы можем вам помочь устроить детей в хорошие семьи...”

На последних словах врача в моем мозгу раздался голос моей Юльки: “Сейчас же возьми себя в руки, Виктор! В какие семьи наших детей? Если меня нет рядом с малышами, то у них есть ты – их отец! Ты мне поклялся! И я уверена, что ты справишься! Найдеши выход. Надо звонить бабе Шуре...”

Фраза про бабу Шуру отрезвила меня.

И я позвонил.

И Шурочка приехала к нам. И три с половиной года мои Ники были с бабушкой, как у Христа за пазухой. Но...

Шесть месяцев назад бабу Шуру разбил инсульт. Хорошо, что я в этот день находился дома.

Время, которое мы не упустили, дало нам фору. Бабушка на слегла совсем. Врачи сделали все, что смогли. Но...

Процесс восстановления очень долгий. Пока наша бабуля еще только начала более уверенно ходить с ходунками, сама есть и выполнять самые простые естественные потребности.

Морально мне было бы легче забрать ее домой. Сделать этот шаг не позволяет понимание, что я не смогу обеспечить в домашних условиях Шурочке полноценный уход и реабилитацию.

Да и она сама наотрез отказывается ехать.

Мы друг по другу очень скучаем. Детвора особенно...

Зайдя в гостиную, вижу, что Ники уже забрались к бабуле на колени и щебечут ей о своих делах, как два воробья.

– Буся, в этом приюте очень плохо. Воспидрылка Гарпия. Она детей обижает. Наказывает, – жалуется Ника.

Слова дочери занозят мою душу. Ставлю себе галочку, поговорить с Никами об этом на обратном пути.

– Ага. И нас в угол ставили, – подключается Никита.

Рассказывает по-мужски спокойно и обстоятельно.

– Ну, я подрался. Да, за правду. Большие мальчики Васю обижали. Он сирота. У него никого нет.

– Васю Гарпия шлепала по попе. Нас нет. А мне... Волосики больно расчесывала. Драла их. Вот, – продолжает делиться с бабушкой Ника. – Мы не хотим больше в этот приют. Буся, давай ты поедешь с нами домой.

– Да. Поедем, ба. Мы будем тебя слушаться, – поддерживает сестру Никита, заглядывая бабушке в глаза.

– Шурочка, мы все дома сами можем делать. И в магазин ходить, и в детский сад, – Ника, говоря бабушке, смотрит внимательно на меня.

Я тоже смотрю на дочь. Но...

Пока не могу ничего сказать хорошего. И баба Шура это знает.

Сейчас было бы полным безумством забрать ее из медицинского учреждения, где у нее процедуры с утра до вечера.

И еще проблема в том, что наша Шурочка фактически не говорит.

Не дай Бог, что случится с ней или с детьми, то она даже элементарно не сможет позвать на помощь.

Смотрю на бабушку и детвору, которая рассказывает своей ба все, что накопилось на детских душах.

Бабуля в ответ кивает им головой, показывая, что понимает их.

Радостно мне, что эта могучая кучка очень хорошо друг друга понимает.

– Папа сегодня нам твои блинчики жарил, – рассказывает Ник.

Бабуля улыбается и детворе, и мне.

– Ага. Не такие вкусные, как у тебя. Толстенные. И дырочек мало, – тут же вставляет замечание Никуша.

На слова моей любимой критиканши бабушка реагирует строгим взглядом.

– Ой, папуль, извини. Я не хотела тебя обидеть, – начинает хлопать глазками, надувать губки и выкручиваться Никуша.

– Папа вчера мне купил новый танк, – деловито вспоминает Никита. – А сегодня мы поедем на выставку.

Бабушка смотрит на меня и одобрительно кивает головой.

Я с благодарностью улыбаюсь в ответ и снова вспоминаю, как моя хрупкая бабушка стала для меня той опорой, которая не позволила мне совершить то, о чем бы я очень сильно жалел.

– Мы же вдвоем, значит, со всем справимся, Вить, – первое, что сказала мне ба, когда я встречал ее на вокзале. – И речи не может быть о твоём увольнении из армии. Отец и Юлечка были бы против. Я это точно знаю.

Мой отец был единственным сыном бабушки.

Она родила его поздно и без мужа. Причины дома никогда не обсуждались.

Гибель сына ба приняла и пережила стоически. Всю свою нерастраченную любовь отдала мне.

Пока мать не отправила меня учиться в суворовское училище, я практически все время жил у бабушки.

С моей матерью отношения у Шурочки были достаточно прохладными, а вот Юлечку ба приняла сразу, как родную.

Половину каждого отпуска мы, по настоянию Юли, проводили у бабушки.

Я начал приводить в порядок ветхую дачу.

Юлька всегда говорила, что наши дети должны хоть лето проводить у Шурочки.

Только судьба распорядилась иначе...

Смотрю на ба с Никами и думаю, как бы мне малых отправить, чтобы поговорить с бабушкой без них.

– А не пойти ли нам в парк на прогулку? – предлагаю троим.

Сразу же замечаю знак одобрения, который мне посылает ба.

– Ники, я собираю бабушку. Вы надеваете куртки и шапки, выходите на улицу и ждете нас на скамейке рядом с окном комнаты Шурочки.

Посмотрев на каждого своего ребенка, даю каждому задание:

– Никита, ты подаешь Нике верхнюю одежду. Она девочка.

– Никуша, помоги брату горло шарфом закрыть. Я за вами буду следить в окно.

Пока собираю бабушку, быстро рассказываю новости и присматриваю за сыном с дочерью, которые бегают рядом со скамейкой.

– Командир части предлагает мне пройти обучение в академии. Я бы тоже хотел. Если получится выбить садик, то поеду, – рассказываю ба то, что меня сейчас беспокоит. – Вот думаю... Маме позвонить. Вдруг она согласится, чтобы мы пожили у неё.

Смотрю на бабушку и понимаю её без слов.

– Ну, да. Вероятнее всего, откажет, – отвечаю себе вместо ба, вспоминая, что в первую свою командировку, когда я попросил мать остаться с детворой, то услышал: “У меня мигрень пятый день, Виктор. Ты же вроде как получил для детей место в интернате. Вот пусть они и учатся жить в социуме...”

Глава 7

Товарищ майор, начальник части генерал-майор Огнев ждёт вас в четырнадцать часов с докладом, – сообщает по внутренней связи дежурный офицер.

Прекрасно понимаю, о каком докладе идёт речь. Достаю документы. Просматриваю. Делаю на стикере пометки и пояснения. Предполагаю, что разведданные придется перепроверять лично. Во всяком случае в свой предыдущий доклад на совещании я сам это обозначил: “Товарищ генерал, данные, переданные группой “RUF”, не по всем параметрам совпадают с аэрофотосъемкой. Расхождения существенные. По моему мнению, необходима дополнительная разведка. Готов провести её лично.”

В момент “козыряния” я был уверен, что вопрос с детьми решу. Но...

На сегодняшний день воз и ныне там. Матери я так и не позвонил. Не сделал этого, чтобы снова не злиться на себя самого. И все же...

Думаю о Никах. Вернее, о том, как поступить, чтобы не травмировать двойняшек тем, что им придется несколько дней провести в интернате.

Сию, как в какой-то попсовой песне: “Я думаю, я думаю, Я ничего опять не придумаю”.

Да-да. Ничего так не придумав, все же звоню матери.

Традиционно с первого раза дозвониться не удаётся.

Только на четвертой попытке дозвона слышу веселый и бодрый голос мамы:

- Да. Что случилось, сын?
- Добрый день, ма. Нормально все. Ты как?
- Хорошо все, Вить. С подругой детства встретилась. Сидим в ресторане. Ты по делу или поболтать?
- По делу, ма. Мне помощь твоя нужна.
- Помощь?!
- Беззаботность в голосе матери уступает место удивленной настороженности.
- А что случилось, Виктор? Может ты мне вечером перезвонишь? Мне сейчас не совсем удобно разговар...
- Мам, ты можешь приехать к нам на несколько дней? Ну, может, на три, – сразу же уточняю, чтобы не испугать родительницу.
- На три? А ты где будешь в это время, Вить? И зачем мне ехать?
- Я должен убыть в короткую командировку, мама. И очень прошу тебя в это время, всего дня три, побыть с Никами, – объясняю как можно мягче, боясь сорваться в пике. – Нужно будет утром внуков отвести в сад и вечером забрать. Ну, еще покормить и спать уложить. Хотя... Это всё Никитка и Ника могут и сами сделать.
- Виктор, мы уже с тобой обсуждали этот вопрос, – мама переходит на шипящий шепот.
- У меня свой режим жизни. Я страдаю бессонницей. Долго не могу уснуть. Иногда засыпаю под утро. Потом сплю почти до вечера. И как ты себе представляешь мои эти три дня с твоими детьми?
- Слушая мать, хочу заорать на нее. Но...
- Я изо всех сил держу себя в руках.
- Мама, детский сад находится прямо в нашем дворе. Ходить особо никуда не нужно.
- Все. Не могу разговаривать. Подруга пришла. Позвони вечером, – выдыхает быстро мать, а я слышу мужской бас, который обращается к ней по имени.
- Попрощаться не успеваю, потому что родительница скидывает разговор.
- С раздражением смахиваю вкладку звонка. Вижу на главном экране фотографию хохочущих Ников.
- Улыбаюсь своей детворе. Провожу пальцем по их веселым мордашкам.
- Понимаю: матери перезванивать нет смысла. Смотрю на Ника и Нику с мыслью, как правильно объяснить малышне, что им придется три дня, а, может, и неделю, побыть в интернате.
- Тут же вспоминаю, как в последний раз мы выходили из дверей неприятного им заведения, и Никуша подняла на меня лицо и с надеждой в глазах, морща носик и почесывая лобик, пробубнюкала:
- Папуль, мы же...Ты же...Ну же...Давай больше не поедем в этот приют. А? Мы с Никиткой уже большие. Можем дома одни оставаться. Будем сидеть тихо-тихо, как мышки. Даже никому не скажем, что одни. Папуль, ну, пожалуйста – пожалуйста...
- Вздыхаю и морально готовлюсь не к докладу у начальника части, а к разговору с детьми.
- Доклад мой традиционно проходит спокойно и конструктивно. Генерал Огнев – настоящий человек и прирождённый стратег как в военном деле, так и в отношении личного состава.
- В часть Егора Ильича я попал служить, как говорится, по великому благу.
- Наши офицеры часто смеются, что на место в список личного состава части генерала Огнева проходной балл выше, чем в лучший вуз страны.
- Попасть под крыло Егора Ильича дорогого стоит. Мне повезло, потому что меня рекомендовал начальник учебного центра Никита Егорович Огнев.
- В части я служу чуть больше года. В мое положение, отца-одиночки, Егор Ильич, как у нас говорится: “Понял. Принял”, – сразу обеспечил нашу семью просторной квартирой и детским садом.

Первое время после инсульта бабушки за моими Никами помогала присматривать Лариса Андреевна – жена Огнева.

Она же выбила для двойняшек место в лучшем интернате для детей военнослужащих из отдаленных воинских частей.

К условиям в интернате у меня нет никаких претензий и нареканий.

Ну, а личный состав – дело такое.

Понятие человеческий фактор никто не отменял.

У нас в Суворовском тоже хватало тех, у кого маленький человек – птенец безголосый и бесправный.

– Товарищ майор, выкладки ваши понятны. Выводы правильны и адекватны. Группа уже на низком старте. На месте не должно быть осечек и непредвиденных ситуаций. Командование хочет чистый результат. Потому проверка данных должна быть проведена в ближайшее время. Рапорт ваш, майор Гордеев, принимаю, – четко по делу говорит генерал Огнев. – Виктор, мы бы с Ларисой Андреевной на время командировки взяли твоих мальцов к себе. Но... Сами с дочерью убываем в санаторий.

– Благодарю, товарищ генерал, за поддержку и заботу. Справимся своими силами с этим вопросом. Уверен, неделю детвора продержится, – отвечаю коротко, хотя у самого “мотор” отбивает кривой ритм.

Глава 8

Командировка затянулась на долгих десять дней. Позвонить в интернат напрямую и узнать, как дела у моей детворы, за все эти дни не было никакой возможности.

Дважды информацию для меня уточнял Никита Огнев:

– В принципе, без проблем. У детей все штатно. Никита подрался. Ника засопливила.

Слушая подполковника Огнева, с нежностью представляю, как моя детвора будет меня жамкать и тыкаться, как кутята, своими носиками в мои щеки.

Вспоминая памятные моменты: первые агуканья, зубки, шаги, слово “мапа”, “баба”, “дай”, “нечу”, – снова и снова думаю о моей любимой Юлечке.

И опять проваливаюсь в тот день, когда моя жизнь разделилась на “с ней” и “без нее”.

Помню посекундно все события до известия, уронившего и разбившего мое сердце.

Утром после построения и доклада я отпросился у начальника части, чтобы съездить в областной центр к Юле и своим крошкам.

По дороге купил огромный букет и конфеты.

Шел к жене, как на свидание. Моя душа о радости ликовала. Сердце отбивало ритм, словно марш победителей.

Я уже был в курсе: у нас мальчик и девочка – Никита и Ника. Так мне сказала медсестра по телефону еще ночью, когда малыши только появились на свет.

Войдя в холл перинатального центра, мой животный инстинкт почувствовал во взгляде медсестры ресепшна сигнал “опасность”.

Только тогда я еще не знал, что это в нашу семью пришли две непрошенные гости – беда и горе.

Да я и не сразу осознал слова врача:

– А вам не сообщили? Медсестра не сказала? Ваша супруга скончалась.

После доктор еще что-то говорил и говорил, но я ничего не слышал.

И даже повторил то, что сказал минутами раньше:

– Я муж Юлии Гордеевой. Она ночью родила. Пришел навестить жену и малышей – сына и дочь... Где Юлия?

Врач смотрел на меня и молчал, а после снова произнес:

– Ваша супруга Юлия Владимировна Гордеева скончалась. Примите наши глубочайшие соболезнования в связи с вашей утратой.

Я до последнего надеялся, что это просто ошибка. Что я сейчас зайду в палату и увижу мою красавицу Юльку и малышкой у её груди.

А через несколько дней заберу моих любимых домой. Но...

Ничего этого не случилось. Кроме того, что я оглох от собственного немого крика. Думал, что лишусь рассудка. Но...

К жизни меня вернуло понимание, что есть живые розовые пупсы, кровь и плоть моей Юльки, которых мы с ней очень хотели и ждали. А еще...

Врач в роддоме и сотрудники органов опеки и попечительства, которые жужжали, как рой надоедливых ос, что найдут для наших детей приличных родителей, потому что сам я не смогу вырастить своих двойняшек. Но...

Они все были посланы. И мы с Никами выжили и справились. Вернее, все еще пытаемся справляться.

О том, как мы справлялись, я уже вспоминаю в машине по дороге из военного аэродрома. До интерната не доезжаю, а долетаю.

На крыльцо и по лестнице на второй этаж в группу, где мои роднульки, забегаю.

Вижу вечно недовольную, грузную нянечку. Здравуюсь и говорю, что я за детьми.

– Подождите, – буркает женщина и уходит.

Я присаживаюсь на скамейку и по военной привычке тут же начинаю проваливаться в сон.

Сквозь дрему слышу вдалеке грозный голос “мисс Гарпии”:

– Пусть ЭТИ сидят на стульчиках.

Отцовское сердце подсказывает: это про моих малых.

С этой мыслью отключаюсь, словно кто-то внутри меня нажал на кнопку “OFF”.

Успеваю даже увидеть короткий сон: солнце, море, пляж, молодая женщина, но не Юля, и я спящий на белом песке. Слышу нежный молодой голос:

– Ники, вы одевайтесь тихонько. Не торопитесь. Пусть папа поспит немного. Вам же ехать далеко.

Хочу посмотреть, кто эта добрая самаритянка. Но...

Я так вымотался в командировке, что мне как Штирлицу нужно хотя бы минут пятнадцать поспать. Потому как нам на самом деле больше ста километров ехать домой в часть.

От этой мысли встряхиваю головой, открываю глаза и вижу своих двойняшек.

Ник и Ника тихо, как мышки, сидят напротив меня и лупают своими голубыми глазками.

Хочу у ребят спросить про ту, которая им помогала одеваться. Но...

Ники радостно бросаются мне на шею и виснут, как две обезьянки. Вдыхая родной запах своих малышек, забываю обо всем. Кроме...

Их мамы, что подарила им жизнь взамен на свою.

– Виктор Анатольевич, ваши дети – это нечто. Ваш Никита слож..., – раздается над моей головой неприятно резкий и противный голос воспитателя группы, к которой “приписаны” мои дети.

– Добрый вечер, Нонна Аркадьевна, – произношу мягко, но твердо, чем останавливаю женщину от желания продолжать говорить о моих детях гадости в среднем роде.

– Никиты, подождите меня там...

Движением руки показываю, что им надо выйти.

– У нас взрослый разговор.

Малыши мои морщат лбы и закусывают губёшки, но из группы выходят.

– Ваши дети – банда! – заявляет “мисс Гарпия”.

Так эту даму зовут мои двойняшки.

– Нет, они ДСК – дружная семейная команда, – пытаюсь отшутиться.

– Вы, как отец, не справляетесь с обязан.., – взвизгивает “Гарпия”. – Считаю необходимым обратиться в органы опеки.

– А я уверен, вам нужно работать в кукольном магазине, – рычу в ответ. – У меня идеальные дети. Потому что они – мои!

Говоря, вижу за спиной “Гарпии” хрупкую блондинку. Она прыскает от смеха и показывает мне знак “супер”.

В тот момент я и подумать не мог, что этот знак принесёт мне много новых приятных хлопот...

– Папуль, а мисс Гарпия опять ябедничала... Да? – заглядывая мне в глаза по-женски, как бы невзначай интересуется Ника.

– Пап, пойдём танки смотреть? – перебивает сестру Ник.

– Ну, не-е-е-т, мы же в кафе. Морож.., – дергает пальцы левой ладони дочь.

– Рядовые Гордеевы, равняйсь – смирно, – улыбаясь, отдаю приказ своим детям. – Слезы отставить. Носы выше. И танки посмотрим, и мороженое с пирожным съедим, и на мульт...

Не успеваю договорить, как сзади нас раздаётся молодой звонкий голосок:

– Ники! Гордеевы!

Мы все вместе оборачиваемся.

Я вижу хрупкую девушку с белом халате и тапочках на босу ногу.

– Малыши, вы забыли пакет с игрушками и вещами, – говорит та, что сама похожа на ребенка.

– Спасибо, – благодарю девушку, забирая из её рук пакет. – Бегите скорее обратно. Холодно. Вы заболите.

– Меня Маша зовут. Я новая нянечка. У вас, Виктор Анатольевич, очень хорошие дети. Их вся детвора группы любит, – выдыхает девчушка. Вы только их не ругайте. Хорошо?!

– Хорошо. Обещаю, – отвечаю, улыбаясь. – Вы, Маша, бегите в тепло.

Девушка разворачивается и мчится на крыльцо по ступеням вверх.

Мы с Никами смотрим ей вслед.

Вдруг няня-Маша оборачивается, машет нам рукой и кричит:

– Ники, я буду без вас скучать. Приезжайте...

– Маша добрая и веселая, – резюмирует моя дочь. – Не то, что эта мисс Гарпия.

– Маша очень красивая, – по-мужски замечает Никита. – Пап, ну что? Пойдём танки смотреть?

– Не-е-е-т... В кафе, – толкает брата Ника.

– Я же сказал и танки посмотрим, и мороженое с пирожным съедим.

Как обещаю, так и делаем. Домой едем уже по темноте. Детвора сначала немного болтает, но быстро засыпает.

С улыбкой смотрю на сына и дочь в зеркало заднего вида. Вижу рядом с ними свою Юлечку.

– Витюш, детям мама нужна, а тебе жена, – слышу в мозгу нежный и мелодичный голос лучшей женщины на свете.

– Не беспокойся, любимая, у нас все хорошо. Мы справляемся, – произношу очень тихим шепотом и подмигиваю. – Одинокый папа не желает познакомиться...

Последнюю фразу произношу, вспоминая малышку Машу и знакомство с Юлей, когда я ей сказал: “Девушка, обратите на меня внимание! Одинокый парень желает познакомиться!”

– Нет, родная, пока эту фразу я еще не готов повторить...

Никто из нас не знает наперёд, что пошлёт ему судьба. И я тоже не знал...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.